

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ева Львова

*Английское дело
адвоката*

Адвокатский детектив

Ева Львова

Английское дело адвоката

«ЭКСМО»

2013

Львова Е.

Английское дело адвоката / Е. Львова — «Эксмо»,
2013 — (Адвокатский детектив)

ISBN 978-5-699-67854-9

Адвокат Агата Рудь защищает интересы некогда популярного певца Расмуса, в миру – Романа Горелова, который сдавал свою квартиру в элитном жилом комплексе семье англичанина Стива Шермана. Мало того, что жильцы покинули квартиру ранее оговоренного срока, так они оставили ее в жутком состоянии и прихватили с собой некоторые вещи Расмуса! Теперь он с помощью Агаты намерен получить с Шерманов возмещение ущерба... Друг и коллега Агаты, адвокат Борис Устинович, тем временем занимается защитой профессора Зелинского. Его обвиняют в пособничестве побегу из английской тюрьмы полицейского сержанта Мак-Корника, признанного виновным в убийстве двух человек... Агата и Борис едут в командировку в английский городок Арбингтон, где выясняется: их дела весьма тесно связаны между собой...

ISBN 978-5-699-67854-9

© Львова Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Ева Львова

Английское дело адвоката

– Нет никого вреднее английской няньки, – сердито пробурчал клиент, сопя длинным носом. – Такое впечатление, что британские леди снимают няnek для своих детей прямо с пальм. А если хозяйка поручает нянке еще и уборку! – он обреченно махнул рукой. – Главное, прожили всего-то полгода, но убили квартиру безвозвратно!

Протяжный вздох перешел во всхлип. Я подняла глаза от записей и оглядела человека напротив себя. Некогда известный певец Расмус, в миру именуемый Романом Гореловым, в настоящий момент переживал не лучшие времена, и это было заметно. Растянутая тенниска «Лакоста» утратила от многочисленных стирок первоначальный цвет, зато одутловатое лицо певца приобрело несвойственный ему ранее лиловый оттенок. Лысеющая голова, длинный тонкий нос и воспаленные веки довершали безрадостную картину. Поговаривали, что после разрыва с известным продюсером Виталием Коперником певец серьезно запил, и потрепанный внешний вид кумира двухтысячных не оставлял в этом сомнений. Год назад Горелов вынырнул из небытия, мелькнув на экране во время передачи «Культ личности». Но продержался он там недолго – после второго тура Расмус выбыл из состязания забытых певцов и вот теперь появился на пороге адвокатского бюро «Устинович и сыновья», требуя защиты. Старейшая сотрудница конторы секретарша Кира Ивановна, не признав помятого героя, скучным голосом осведомилась о цели визита и, попросив обождать в приемной, отправилась в кабинет. Оглядев склонившихся над бумагами адвокатов, она нашла всех при деле. Младший сын владельца фирмы и большой мой друг Борис Устинович, прозванный Джуниором, корпел над делом антрополога Зелинского, главная красotka адвокатского бюро Маша Ветрова готовила бумаги по бракоразводному процессу для передачи в суд, и только я бездельничала, раздумывая: а не пойти ли мне на кухню и не попить ли чайку? Секретарша задержалась взглядом на моем безмятежном лице и сухо уточнила:

– Агата Львовна, вы свободны?

Я осторожно кивнула, подозревая, что кроется за этим вопросом. И опасения мои были не напрасны. Вот уже битый час, блуждая рассеянным взглядом по стенам конторы, я выслушивала рассказы певца о семье англичан. Вполне пристойные на вид арендаторы сняли у Горелова квартиру в элитном жилом комплексе на год, но съехали, в нарушение договоренностей, уже через шесть месяцев. По словам Расмуса, злокозненные британцы хоть и прожили всего ничего, но оставили после себя невообразимый погром. Я продержалась с полчаса и, не в силах расстаться с мечтой о чаепитии, радушно предложила клиенту чашку чая, но тот, погруженный в переживания, с негодованием посмотрел на меня.

– Какой там чай! – хорошо поставленным голосом возмутился Горелов. – Я до сих пор в себя не могу прийти от абсурда происходящего! Когда мадам Шерман попросила сменить на окнах ручки, поставив механизмы с замками, я удивился, но подумал, что у них есть маленькие дети. Однако английский свиненыш оказался вовсе не розовощеким литтл бейби, а тринадцатилетним раздолбаем с клюшкой для гольфа в руках. Этой клюшкой буйный Джек переколол все розетки «Легранд», обил углы, размолотил стекло в детской комнате. А ненормальная мамашка, кулинарка чертова, спалила варочную панель и так загадила духовку, что впору новую покупать. Но самое неожиданное, что англичане вывезли все мои вешалки, плед из детской и, вы не поверите, даже игрушки!

– Какие именно игрушки? – уточнила я, записывая каждое слово клиента и стараясь не показывать, что не слишком-то верю рассказчику. Честно говоря, у меня сразу же закралось подозрение, что Роман Михайлович ломает комедию. Нанял обнищавшего англичанина, заключил с ним договор аренды элитной недвижимости, чтобы при помощи скандала на этой

почве вызвать интерес к своей персоне. Известный прием, срабатывает безотказно. Меньше всего мне хотелось участвовать в этом шоу, но показывать, что я раскусила коварный замысел клиента, было не профессионально. К тому же Эд Георгиевич явно заинтересовался ситуацией, раз приоткрыв дверь кабинета, время от времени мелькал в образовавшемся проеме и прислушивался к нашей беседе. Должно быть, перспектива скандала не казалась владельцу «Устиновича и сыновей» такой уж унылой.

– Мягкие игрушки, – мрачно проговорил Горелов, отвечая на мой вопрос. – Если вас интересует конкретика, то медведя, слона и обезьянку.

– И вы хотите обратиться в суд с иском о возврате похищенного зверинца? – иронично вскинула я бровь, рисуя в блокноте улыбающийся пирожок, который лежал в моей сумке в компании пяти румяных приятелей с грибной начинкой и терпеливо ждал, когда я до него доберусь. Вчера Ида Глебовна напекла целый таз разнообразных пирогов, основное место среди которых занимали пирожки с белыми грибами и обжаренным до золотистости луком. Уж не знаю, как бабуля это делает, но сезонность совершенно не влияет на наличие грибных пирожков на нашем столе. Должно быть, запасы сушеных боровиков в бабулиных кладовых неистощимы. Сглотнув слюну, я перевернула страницу, отложила ручку и с сарказмом посмотрела на посетителя. – А также иск о возврате вешалок и пледа?

Но клиент моей иронии не разделял. Склонив голову к плечу, словно поклонившись, он с достоинством выдохнул:

– Именно. А также вешалок и пледа. Это вопрос принципа. Я законопослушный налогоплательщик, вовремя произвожу платежи. Почему я должен раздавать свое имущество кому ни попадя?

– А может, все-таки чая? – улыбнулась я, как бы ненароком переворачивая страницу тетради обратно и искоса любуясь пирожком.

– Благодарю, не надо, – раздраженно отозвался Горелов, не замечая моих страданий. – Игрушки тоже стоят денег. Кроме того, я выставлю счет на сожженную систему кондиционирования – нянька включала ее на обогрев при температуре минус двадцать и, ясное дело, сожгла мотор. Приплюсую к сумме иска счет за сгоревшие теплые полы – жильцы не задали температурный режим, и полы шпарили на максимуме круглые сутки, пока не вышли из строя, и, уж конечно, не забуду про разбитое окно в детской комнате.

– Но, насколько я знаю, с арендатора берется депозит как раз для компенсации такого рода ущерба, – откликнулась я.

– Семейка Шерманов нагадила так, что никакого депозита не хватит для компенсации, – злобно фыркнул клиент. – Стивен Шерман – человек небедный, пусть платит за свои художества.

– И что из себя представляет ваш арендатор? – полюбопытствовала я.

– Откуда я знаю, – пожал плечами клиент. – Знаю только, что все они граждане Великобритании и имеют возможность арендовать сто пятьдесят квадратных метров в жилом комплексе «Фрегат мечты».

– Мы можем поехать на место происшествия и оценить масштабы катастрофы? – уточнила я, вглядываясь в лицо собеседника и стараясь уловить в нем следы притворства.

– Легко, – смутившись под моим изучающим взглядом, торопливо кивнул клиент, поднимаясь с места и одергивая застиранную тенниску. Джинсы его выглядели не лучше. Они висели мешочком на худом заду певца, некогда славившегося атлетической фигурой, заставляя задуматься о стремительном беге времени и бренности всего сущего.

– Вы на машине? – осведомилась я.

– Нет, на такси приехал, – замявшись, ответил клиент. – В последнее время не могу садиться за руль, с утра принимаю успокоительные препараты, иначе весь день буду бешеным. Нервная система стала ни к черту. Как вспомню про Шерманов, всего трясет!

– Не переживайте так, все образуется, – ободрила я Горелова, улыбнувшись как можно доброжелательнее и погладив певца по худой спине.

Мы вышли в коридор и только собрались пройти через приемную, как дверь кабинета Устиновича-старшего скрипнула и приоткрылась.

– Агата Львовна, можно вас на минуточку? – подал голос маячивший в дверном проеме шеф. Эд Георгиевич имел странную манеру обращаться на «вы» ко всем, даже к собственным сыновьям и малым детям.

– Вы идите, Роман Михайлович, я вас догоню, – любезно проговорила я, устремляясь на зов и прикрывая за собой дверь начальственного кабинета.

Оставшись один на один с владельцем адвокатского бюро, я вопросительно посмотрела на владельца конторы. Устинович-старший выглядел обеспокоенным.

– Э-э, видите ли, Агата Львовна, – затянул он в своей обычной витиеватой манере, снискавшей ему славу на адвокатском поприще. – Дело в том, что ситуация складывается довольно пикантная. Если британец обратится в свое посольство и поднимет шум, вся эта история тут же станет достоянием общественности. Не хотелось бы выглядеть клоунами, взявшимися защищать фигляра Горелова, решившего раздуть из мухи слона и, воспользовавшись благоприятным случаем, оклеветать гражданина великой державы. Но и разбрасываться клиентами мы тоже не можем. Это подорвет нашу репутацию.

Шеф замолчал, ожидая, когда я включусь в игру, с ходу уловлю его мысль и пообещаю сделать все от меня зависящее, чтобы не подставить под удар родную контору. Но я воробей стреляный, подобные заявления не раз выходили мне боком. Нет уж, пусть Эд Георгиевич четко и ясно сформулирует, на какие действия он дает мне добро. Шеф побарабанил по столу пальцами, тяжело вздохнул и, так и не дождавшись помощи, кинул на меня обиженный взгляд.

– В общем, Агата Львовна, – холодно проговорил шеф, – действуйте сообразно обстановке. И ехидно добавил: – Вы ведь этого от меня добивались?

– Я вас услышала, – улыбнувшись уголком рта, щегольнула я модным ныне концеляризмом, широко распространенным в офисных кругах. – Эд Георгиевич, я могу идти?

Устинович-старший устало махнул рукой – дескать, иди уже, не мозоль глаза – и отвернулся к окну, снова забарабанив пальцами по покрытой сукном столешнице. Я удовлетворенно кивнула, поправила у зеркального бара челку и, помахивая сумкой, вышла из кабинета.

* * *

Добираться до сдаваемой квартиры нам предстояло на служебном автомобиле адвокатской конторы. В конце прошлого года в офисе появился шофер со своим авто, ибо сотрудникам частенько нужно было успеть в довольно много мест за короткий промежуток времени, и, что уж там скрывать, машина для служебных разъездов была необходима. Непрактичный Эд Георгиевич из всего многообразия явившихся на кастинг кандидатур выбрал Павла Банкаина – жуликоватого парнишку с периферии на убитой отечественной «Ладе» неизвестного года выпуска. Вскоре выяснилось, что Банкаин не только не знает города, но и не очень-то любит водить, поэтому его авто чаще всего находилось в ремонте. А пока машина ремонтировалась, Банкаин сидел в комнате отдыха, между нами именуемой кухней, пил чай, смотрел телевизор и уничтожал припасенные для клиентов сладости. А в жизни адвокатов ничего не изменилось – как не было у конторы машины, так, получалось, что и нет. И вот две недели назад шеф внял просьбам сотрудников и купил новенький «Рено-Логан», заставив Пола Банкаина честно отрабатывать свой хлеб. И хотя начальник настоятельно требовал, чтобы шофер оставлял машину у конторы, на ночь Пол все-таки забирал «Логан» домой якобы помыть и привести в порядок салон. Врать не буду, машина и в самом деле каждое утро выглядела отлично, чего не скажешь

о самом Банкине. Водитель приезжал на работу помятый и сонный, словно всю ночь напролет собственноручно драил машину.

– Либо бомбит по ночам, либо девчонок катает, – с одобрением в голосе заметил Борис, рассматривая хмурую Пашкину физиономию.

Пол пропускал комментарии Джуниора мимо ушей, а на прямо поставленные вопросы о ночном времяпровождении уклончиво отвечал, что вечерами занимается актерским мастерством, ибо готовится поступать в ГИТИС, потому и не высыпается. Борис понимающе кивал головой, и в глазах его сквозило недоверчивое ехидство. Однако придраться было не к чему, версия шофера выглядела довольно правдоподобно, ведь все мы знали, что Банкин приехал в Москву, чтобы стать артистом.

Дорога до метро «Щукинская» сюрпризов не преподнесла. Как обычно, на Ленинградке наш «Логан» застрял в пробке, и Павел попробовал было воспользоваться образовавшейся паузой в корыстных целях, выясняя у моего клиента, что нужно сделать, чтобы стать знаменитым певцом. Но погруженный в свои мысли Горелов отмахнулся от докучливого водителя, продолжая жаловаться на англичан. Банкин на время замолк, но при подъезде к комплексу снова оживился, сделавшись раздражающе болтливым. Заметив розовую громаду зданий, нависающих над Москвой-рекой, он восторженно протянул:

– Ох и ни фиги себе! Мы туда, что ли, едем?

– Ну да, – польщенно заулыбался Горелов. – Мы с Коперником купили здесь квартиры одними из первых, я взял себе террасную на седьмом этаже, Виталик – подо мною, на шестом. Хотели сделать лестницу от него ко мне, чтобы можно было в любое время ходить друг к другу в гости. Мы тогда еще дружили, это теперь Коперник стал продюсировать всяких там Дженнифер Лопес, в России появляется раз в год, живет в Америке, в общем, знать меня не хочет и говорит, что гусь свинье не товарищ. Ну ничего, отольются кошке мышкины слезы!

Я подняла глаза от смартфона и кинула равнодушный взгляд на «Фрегат мечты». Жилой комплекс на берегу Москвы-реки был некогда легендой. Теперь же три первоначально возведенных корпуса, издаലെка и вправду казавшиеся быстроходным парусником, закрывали остальные корпуса, выстроенные безо всякого архитектурного изыска. Застройщик следовал принципу «раз есть спрос на квартиры – обеспечим предложение». И некогда красивый комплекс превратился в хаотично наставленные строения, далекие от представлений обывателя об элитном жилье. Клиент предъявил на въезде пропуск, охранник придиричливо осмотрел его через лобовое стекло и поднял шлагбаум. Павел запарковался на выложенном брусчаткой дворе между «Ягуаром» и «Инфинити» и вопросительно посмотрел на меня.

– Посиди в машине, я сейчас, – строго проговорила я, делая вид, что не замечаю мольбы во взгляде шофера.

– Может, я тоже поднимусь? – с излишней развязностью, выдававшей крайнюю степень любопытства, предложил Пол.

– Это еще зачем? – недовольно нахмурился клиент, подозревавший всех и каждого в праздном желании посмотреть, как живет обитателям «Фрегата». Он был недалек от истины, многие хотели попасть на охраняемую территорию жилого комплекса, не говоря уже о визите в квартиру.

– Нет, я, конечно, могу и здесь посидеть, – с деланным равнодушием проговорил шофер, поигрывая ключами от авто. – Только учтите: англичане – парни резкие, уважают бокс. Вдруг Шерман захочет вам, Роман Михайлович, по морде надавать? Ключик от вашей квартиры у него имеется, наверняка этот ваш Стив предусмотрительно сделал дубликат.

– Какой там дубликат, один комплект ключей англичане мне просто не вернули, – горько усмехнулся клиент.

– Вот видите! – обрадовался Банкин. – Открываете вы дверь, а на вас несется гора мускулов с горящими глазами и той самой клюшкой для гольфа, которую вы так часто поминаете. А с вами только хрупкая девушка, которая не сможет вас защитить.

На лице клиента отразилось сомнение, и стало заметно, что его уверенность в правильности принятого решения заметно поколебалась. Ободренный успехом, Пол продолжал дожимать певца:

– Агата, ты не владеешь единоборствами?

Я смущенно улыбнулась, что можно было расценить как «Да ну, какой из меня боец!», так и «Не люблю хвастаться, но в случае чего поколочу любого так, что мало не покажется». Чтобы клиент понял мою мимику именно в том смысле, который он вкладывал в свой вопрос, Пашка сурово проговорил:

– Вот видите? Не владеет. Потом, Роман Михайлович, не говорите, что я не предлагал вам свою помощь.

Клиент тоскливо поднял глаза к небу, как бы говоря: «Боже, дай мне силы», – перевел их на окна здания и, скользнув взглядом по украшенному лепниной фасаду в районе седьмого этажа, где, возможно, таился неприятель, махнул рукой.

– Ладно, пошли, – буркнул он, направляясь к раздвижным дверям первого корпуса.

В просторном фойе стояла приятная после летней жары прохлада, нагнетаемая приточной вентиляцией. Пол присвистнул и сдвинул на затылок стильную серую шляпу с маленькими полями. Хрустальная люстра спускалась с потолка витой сосулькой, вдоль стен стояли кожаные диваны, около больших, во всю стену, окон зеленели растения в кадках, а за высокой стойкой восседал безразличный ко всему консьерж. Он делал вид, будто что-то внимательно изучает у себя на столе, скрытом от жильцов перегородкой, на самом же деле в оконном стекле за его спиной отражался светящийся экран монитора, в который страж дверей и устремил сосредоточенный взор. Если верить оконному стеклу, на экране мелькали воинственно настроенные фигуры – должно быть, консьерж смотрел боевик. Проводок наушника, ненавязчиво тянувшийся из уха сотрудника жилого комплекса под стол, дополнял визуальную картинку одному ему слышимым звуком. На нас он даже не посмотрел, и думаю, консьерж не заметил бы не только нас, но и роту кремлевского караула, промаршировавшую по холлу от дверей к лифтам, печатая шаг, как на параде.

– А еще удивляются, почему в нашем комплексе участились кражи, – раздраженно хмыкнул клиент. – Мимо рояль пронесут, консьерж и глазом не моргнет! За что только деньги платим! Кругом бардак! На территорию можно въехать и без пропуска, дав охраннику у шлагбаума сто рублей! В подъезд заходят все кому не лень, потому что консьержи подолгу у нас не задерживаются, каждый месяц приходят новые, они в лицо никого не знают и предпочитают пропустить чужого, чем показать, что не помнят жильцов своего корпуса!

Банкин сочувственно покивал головой, выражая свое полное согласие с клиентом. Кабина подошедшего лифта была пуста, Пашка, заскочив внутрь, быстро оглядел дисплей с кнопками и, сделав молниеносное движение правой рукой, нажал на верхнюю. Клиент дернулся, попытавшись опередить шофера, но тот оказался проворнее. Загородив собой дисплей, Пол по-детски протянул:

– Роман Михайлович, давайте до самого верха прокатимся? Я всю жизнь мечтал увидеть Москву с высоты сорокового этажа!

– Черт с тобой, давай прокатимся, – хмуро согласился клиент, рассеянно скользя глазами по стремительно уносящимся вниз машинам, домам и людям. По пути наверх нас несколько раз останавливали, спрашивали, не вниз ли мы, и, услышав, что вверх, набивались в кабину. Пол косился на обитателей «Фрегата», и на лице его мелькали самые противоречивые чувства, начиная от восторга и кончая лютой ненавистью. На сороковом этаже мы пробыли ровно секунду, потом нас вызвали на тридцать второй, и мы понеслись вниз. Приключение заверши-

лось на седьмом этаже, где мы осуществили высадку из кабины и устремились по изогнутому дугой коридору к дальней квартире. Пока мы шли вдоль выложенных мозаикой стен, у клиента зазвонил телефон, и Расмус кому-то раздраженно ответил, что и рад бы, но не сможет принять участие в гастрольном туре по Монголии, потому что прямо сегодня улетает до конца недели на Бали. Пробормотав проклятия в адрес звонившего и сунув аппарат в карман, Горелов отпер замок ключом на массивном брелоке, немного поколебавшись, рывком распахнул дверь и, так и не дождавшись нападения, жестом пригласил нас войти. Шагнув через порог следом за Полом, разувшимся в углу прихожей и сразу же направившимся в туалет, я с любопытством огляделась по сторонам. Везде и в самом деле царил хаос. Он присутствовал в спертom воздухе, в захватанных грязными руками желтых стенах, в давно не мытых окнах. Большая часть квартиры являла собой лофт, объединяющий гостиную, посреди которой стоял разрезанный чем-то острым диван, почерневшую от жира кухню и террасу – зимний сад, в котором шумели сухой листвой завядшие растения.

– Я пришел в свой дом и увидел этот кошмар, – сообщил клиент, подбирая с пола остатки того, что некогда было вешалкой. Мягкий бархат, обтягивающий пухлый каркас, был вспорот, а поролон выпотрошен. – Между прочим, эти вешалки от модного дома Кензо, в свое время я отвалил за них уйму денег! Я требовал их вернуть, а Дженнифер прикидывалась, что не понимает, о чем я говорю! Она делала большие глаза и уверяла меня, что не видела никаких вешалок. При виде этих обломков она лишь пожалала плечами и заявила, что видит эту вещь первый раз в жизни.

Не зная, как комментировать рассказ клиента, я прислушалась к звуку льющейся воды в том санузле, где заперся Пол, и отправилась дальше. За лофтом шла приватная зона – спальня хозяев, при которой имелся другой санузел с засоренным умывальником, а далее располагалась детская. Стоило мне туда войти, как меня охватило ощущение, что крашеный синей краской потолок того и гляди рухнет мне на голову. На рыжеватых обоях имелся серый, невыразительный рисунок географических карт, теряющийся на фоне занавесок цвета маренго с яркими разноцветными бабочками.

– Зачем вы так изуродовали помещение? – обернулась я к хозяину квартиры.

– Я изуродовал? – фальцетом возмутился Горелов. – Да я сдавал шкатулочку, а не детскую! Здесь были поклеены обои в розовых тонах с танцующими феечками, потолок был белейший, а эти чокнутые англичане попросили разрешения сделать комнату для мальчика-подростка. Я по глупости разрешил и теперь пожинаю плоды своей доброты.

Я внимательно оглядела неровные стыки обоев, кое-как обрезанные края, отошедшие местами углы и ощутила легкое возбуждение, как охотник, почуявший дичь. Обои клеил явно не профессионал, причем делал это в жуткой спешке, стараясь как можно скорее наляпать бумагу на стены, нимало не заботясь о качестве поклейки.

– Англичане сразу попросили у вас разрешения сменить обои? – уточнила я, разглядывая потолок. В углу рядом с окном он был замазан краской сильнее, чем везде. Возможно, это было случайностью, если, конечно, допустить, что ремонтировала комнату все та же английская нянька, а возможно, что и нет. Может, таким образом пытались скрыть некие следы.

– Вы знаете, не сразу, – оживился клиент. – Меня еще удивило, что почти полгода арендаторы прожили с розовой детской, а перед самым отъездом им понадобилось делать ремонт. Да еще такой убогий...

– Значит, обои переклеили перед самым отъездом, – повторила я. – А куда англичане переехали?

– Понятия не имею, – пожал плечами Роман. – Даже не интересовался, если честно. У меня есть паспортные данные Стивена Шермана, думаю, что для подачи искового заявления этого достаточно.

– И чем жильцы мотивировали досрочное расторжение договора?

– А ничем, – поморщился собеседник, колукая ногтем неровный стык обоев. – В декабре сказали, что квартира холодная, они сильно мерзнут. Я приехал и заклеил им террасу, оставив оконный утеплитель для остальных окон. Мало того, я даже показал этой чертовой нянюшке Олив, как именно заклеивать окна, но она только косилась на меня и хихикала, прикрывая рот ладошкой. Да что там говорить, одно слово – дикарка. В общем, окна они так и не заклеили, а их, на минуточку, в этой квартире тридцать две штуки! Панорамное остекление – это не только много света и воздуха, но и большие теплопотери! Обязательно надо заклеивать окна на зиму, а Шерманы посчитали, что это ниже их достоинства. Поэтому и кондиционеры мне сожгли. Они ими, видите ли, грелись, потому что у несчастных не было другого выхода. Смешно сказать, когда они спалили систему кондиционирования, знаете, из-за чего они больше всего расстроились?

– Переживали, что заставят платить? – выдвинула я наиболее вероятное предположение.

– Вовсе нет! – победоносно сверкнул на меня глазами Горелов. – Они огорчились потому, что не знали, как им прогреть помещения. Тогда я смеха ради предложил порубить мебель и развести в гостиной костер, и нянька приняла мое предложение всерьез. В глазах ее загорелся азарт, и Олив тут же осведомилась, где можно взять топор. Она больная на голову, точно вам говорю!

– А вы не пробовали купить им радиатор? – спросила я, подтаскивая стул к заинтересовавшему меня углу и забираясь на сиденье, чтобы получше рассмотреть темное пятно на потолке.

– Я предлагал, они отказывались, – безнадежно махнул рукой Роман. – Дженнифер говорила, что радиатор опасен, он может загореться и все такое прочее. Причем она даже не вникала, что есть совершенно безопасные обогревательные приборы. Не надо – и все тут.

Слушая Горелова, я продолжала эксперимент. Стул подо мной ходил ходуном, особенно когда я балансировала на краешке сиденья, стараясь дотянуться до потолка и поводить по нему влажным пальцем в попытке размыть краску и увидеть, что же старался замазать неведомый маляр, но потолок оказался слишком высоким. Осознав бесплодность своих потуг, я слезла со стула и деловито осведомилась:

– Надеюсь, у вас есть стремянка?

– Само собой, как бы я лампочки вворачивал, – пробурчал клиент, выходя из детской и направляясь по длинному коридору в сторону зимнего сада.

На террасе имелся небольшой шкафчик для инструментов, замаскированный под грот, где хранилась вполне приличная стремянка, которую хозяин и вытащил на свет. Сначала он было собирался отнести ее в детскую сам, но вдруг, заметив на полу царапину, сунул лестницу мне в руки и, тихо матерясь, принялся оттирать керамогранит носовым платком.

– Ну что это за люди! – стонал он, ползая на четвереньках по террасе. – Мал им был, видите ли, холодильник, говорю – купите свой! Купили морозильную камеру. Спрашивают: можно на террасе поставить? Ладно, говорю, хрен с вами, ставьте где хотите! На террасе так на террасе. Но зачем тащить морозилку волоком? Можно же было грузчиков нанять! Так нет же, судя по глубине царапины, экономная Дженнифер сама ее с Олив в зимний сад затаскивала! Как я ненавижу английских нянек!

Предоставив владельцу разгромленных апартаментов сокрушаться над вновь обнаруженными убытками в одиночестве, я подхватила лестницу и двинулась в детскую. Возбравшись на верхнюю ступеньку стремянки, я колукнула потолок и получила подтверждение своей догадке – под синей краской темнело бурое пятно. Не спускаясь со стремянки, я обвела взглядом комнату и удивленно присвистнула, увидев, каким оригинальным способом повешены шторы. Крючки на тяжелых занавесках зачем-то зацепили за нитки, которыми были пришиты ленты, предназначенные для крючков.

– Сумасшедший дом, – вздохнула я, проворно спускаясь вниз. – С головой у английской няни действительно большие проблемы.

Любопытно, что могло заставить Шерманов взять на работу человека, который не умеет ничего делать? Неужели хваленая толерантность европейцев дошла до того, что они готовы вваливать на себя заботы о неумелой прислуге из стран третьего мира, только бы никого не обидеть?

– Одну пару ключей так и не вернули, – продолжал жаловаться клиент. – Джениффер швырнула в прихожей связку ключей, хотя обязана была отдать две, как и получала от меня при въезде! Наглые, бессовестные люди!

Стенания Расмуса прервал вышедший из ватерклозета Банкин.

– Ну что, можем ехать? – стряхивая с волос капельки воды, поинтересовался он. Мне это сильно не понравилось. Как-то уж слишком поспешно шофер покидал апартаменты певца.

Мучаясь этим вопросом, я попрощалась с клиентом и, пообещав держать его в курсе дела, отправилась в контору.

* * *

– Ну вот, посмотрел, как Расмус живет, – заходя в контору, важно сообщил секретарше Пол, опускаясь в кресло для посетителей.

– Какой же это Расмус? – рассмеялась Кира Ивановна, выглянув из-за стойки.

– Может быть, вы не заметили, Кира Ивановна, а у Агаты клиент – Роман Михайлович Горелов, широко известный под сценическим псевдонимом Расмус, – горделиво сообщил шофер, словно это Пол Банкин был адвокатом певца, а не я.

– Расмус – красавчик, спортивный, широкоплечий, а этот облезлый тип просто его однофамилец, – фыркнула секретарша, гордившаяся тем, что знала буквально все обо всех когда-либо живших звездах.

– Любите вы поспорить, – обиделся Пашка, покидая кресло и двигаясь в сторону кухни. – В Интернете посмотрите его нынешнюю фотку, если не верите.

– И посмотрю, – пообещала Кира Ивановна, принимаясь воинственно стучать пальцами по клавиатуре.

– Да брось ты, Паш, смешно ведь обижаться на пожилого человека, – примирительно сказала я, устремляясь в кухню следом за Банкиным и мечтая наконец-то испить чайку.

Мы с Полом доедали по второму пирожку, когда в кухню заглянула секретарша и чуть слышно сообщила:

– Это и в самом деле Ромочка Горелов!

Прошествовав в помещение и звякнув чашкой о полку, Кира Ивановна принялась наливать себе чай, раздраженно ворча:

– Все прекрасно знают, как я люблю этого певца, и мне никто ничего не сказал!

Смущенные и притихшие, мы с Банкиным переглянулись и сделали вид, что полностью поглощены едой. Мы и в самом деле забыли про Киру Ивановну, большую поклонницу попсы.

– И где только совесть у людей? – продолжала патетический монолог секретарша, испепеляя Пола сердитым взглядом. – Подумать только, сам Расмус прошел мимо меня, и никто не шепнул мне на ухо, что это он!

Понимая, что Кира Ивановна не успокоится и будет продолжать брюзжать еще очень долго, я торопливо допила остатки чая и ретировалась из кухни. Проходя мимо стойки ресепшн, я не удержалась и кинула взгляд на экран компьютера секретарши, где застыл кадр с изображением клиента. Кира Ивановна отыскала подтверждение наших слов на Ютубе, просмотрев ролик с участием Расмуса. Нажав на треугольник пуска, я увидела, как певец в пробке на Третьем транспортном кольце в районе Сушевки схватился не на жизнь, а на смерть с пас-

сажирками «Мерседеса». Вытащил их из машины и чуть не избил, требуя вернуть вешалки и игрушки. Было понятно, что подвергшиеся нападению особы – это та самая англичанка Дженнифер Шерман и ее чернокожая няня, а сидящий в машине мужчина, должно быть, Стив. Он имел заграничный вид, приятное лицо и сногшибательную ямочку на подбородке, способную лишить сна любую красотку.

Любители уличных скандалов запечатлели на камеры своих смартфонов самый разгар потасовки, когда Расмус петухом насканивал на испуганную няньку, обвиняя ее в похищении вешалок. Дженнифер выпрыгнула из машины и грудью вставала на защиту прислуги, беспомощно бормоча по-английски про дикую страну и безумных людей. Похоже, сначала их спутник планировал пересидеть заварушку в авто, но видеть выходки Горелова было выше его сил. Он выбрался из машины, сильной рукой отодвинул Дженнифер в сторону и по-английски заявил в лицо Горелову, что так этого не оставит и подаст жалобу в суд, на что разошедшийся боец не обратил внимания, продолжая насканивать на иностранок.

– Мужик собирается обратиться в суд! – перевел Горелову водитель ближайшей машины, с интересом взиравший на конфликт, и только это смогло остановить распоясавшегося певца.

– Я первый пойду в суд, – буркнул Роман, ретируясь к своему автомобилю.

– Горелов не знает английского, – констатировала я очевидный факт, задумчиво глядя на экран. – Очень интересно!

Набрав номер клиента, я услышала в трубке его раздраженный голос:

– Слушаю!

– Роман Михайлович, это Агата Рудь. Каким образом вы общались с Шерманами, если не знаете английского, а они не говорят по-русски?

– Через подругу Дженнифер Оксану. По всем возникающим у арендаторов вопросам мне звонила именно она.

– Скиньте мне эсэмэской номер ее телефона, – попросила я, рассчитывая разговорить женщину и выяснить у нее причины столь стремительного съезда британцев со съемной квартиры.

Но сделать это оказалось не так-то просто. Звонки на номер Оксаны проходили, но никто не снимал трубку. Пока я дозванивалась, звук колокольчика над дверью оповестил о прибытии очередного посетителя. Обернувшись, я увидела, что в дверях конторы стоит клиент Бориса – профессор Зелинский. Держась за сердце, маленький толстячок привалился к косяку и блуждал по приемной потерянными глазами, промокая платком покрытую испариной лысину. По расстроенному лицу антрополога градом катился пот, из раскрытого рта со свистом вырывалось дыхание, будто профессор всю дорогу бежал резвой рысью.

– Максим Карлович, что случилось? – забеспокоилась я, засовывая смартфон в карман брюк и бросаясь к посетителю со стулом в руках.

Тот покорно подогнул ноги, опускаясь на предложенное сиденье, и обреченно выдохнул, мотая головой:

– Все пропало! Все пропало!

– Объясните, в чем дело! – потребовала я, расстегивая клиенту верхнюю пуговку на рубашке в попытке облегчить доступ воздуха, но тот сидел, откинувшись на спинку стула, и тихонько стонал.

На шум из кабинета вышел Эд Георгиевич, сделал страшные глаза, прогоняя меня прочь, помог клиенту подняться и повел к себе. А я отправилась к своему столу и принялась названивать деду, рассчитывая получить у него сведения относительно личности мистера Шермана. Передо мной лежала его визитка, любезно предоставленная клиентом, и я рассчитывала на связи деда в определенных кругах, позволяющие узнать то, что другим не под силу. Дед был в отъезде, но со дня на день планировал вернуться домой, и первое, что я спросила, набрав его номер и услышав в трубке аппарата родной голос, – где он сейчас находится. В последнее

время Владлен Генрихович много времени проводил в разъездах, консультируя по вопросам безопасности и спецслужб. Спецотдел «Сигма», который некогда возглавлял дед, до сих пор работает над изучением проблем мозга, и дед частенько навещает туда по просьбе руководства, оказывая помощь в разработке проектов и программ.

– Привет, мисс Марпл, – обрадовался дед. – Я пока еще не дома, но через несколько часов собираюсь вылететь в Москву. Так по вам с Идой соскучился, что сижу на чемодане в дверях гостиничного номера и считаю часы до отлета.

– Дед, мне нужна твоя помощь, – заныла я. – Мой клиент подает в суд на англичанина, и, прежде чем начинать судиться, не мешало бы узнать, кто этот Шерман такой. Не мог бы ты по своим каналам пробить все, что о нем известно?

– Ну что с тобой делать, – крикнул дед, очень не любивший, когда я обращалась к нему с подобными просьбами. – Ладно уж, сбрось эсэмэской его данные, постараюсь о нем что-нибудь выяснить.

– Вот спасибо! – обрадовалась я, чмокая трубку и нажимая на отбой.

Выполнив просьбу деда, я вошла в Интернет, намереваясь покопаться в Сети в поисках сведений о Шермане. Во Всемирной паутине за пару часов можно нарыть такое, чего не добудешь за месяц беготни. Но источники информации деда оказались оперативнее Паутины. Дед скинул мне информацию по Шерману уже через десять минут, к тому времени я успела просмотреть новости и прочесть небольшую статью, подробно разъясняющую, что прямо завтра не стоит покупать новую машину или дорогущий телевизор, а лучше с покупкой подождать, ибо желаемая вещь буквально через полгода станет в три раза дешевле.

Ознакомившись с письмом, я сделала любопытное открытие. Стив Шерман вовсе не был похож на мужчину с ямочкой на подбородке, ехавшего в машине с Дженнифер по Сушевскому Валу. Судя по присланному фото, Стив был высок, нескладен и поразительно похож на актера Хью Лори в роли доктора Хауса. Также из полученных сведений я узнала, что Стивен является единственным сыном баронета Кристофера Шермана, владельца корпорации по производству ламп дневного света «Электра». Сэр Кристофер проживает в Арбингтоне, графстве Мерсисайд, в том же городе находится электроламповый завод, а сына баронет отправил в Москву для того, чтобы тот открыл российское представительство компании. Офис «Электры» в Москве расположен на Берсеневской набережной, и порядки там заведены самые суровые. Будучи фанатом джоггинга, рабочий день своих сотрудников Стивен Шерман начинает с получасовой пробежки, заставляя клерков в белых рубашках облачаться в кроссовки и рысить по набережной под ироничными взглядами прохожих. Несмотря на внешнюю сдержанность и невозмутимый нрав, глава российского представительства отличается характером жестким и бескомпромиссным, без сожаления и раздумий увольняя сотрудников за малейшую провинность. Дженнифер – его вторая жена, а Джек – единственный ребенок, который после смерти деда и отца унаследует огромное состояние семьи Шерманов и титул баронета.

Покончив с досье на оппонента, я поблагодарила судьбу, что у меня есть уникальный дед, и покосилась на Устиновича-младшего, прочно застрявшего в Интернете. Борька собирает информацию по вопросу антрополога уже вторую неделю, но дело, похоже, не слишком продвинулось вперед. Надо сказать, что профессор Зелинский попал в историю неожиданно для себя. Он читал курс лекций в одном из Британских университетов и случайно услышал, что в местной тюрьме отбывает пожизненный срок полицейский Мак-Корник, заколовший двух человек по всем правилам ритуального жертвоприношения жителей Океании. Заинтересовавшись этим феноменом, профессор дочитал запланированные лекции и выхлопотал разрешение на встречу с заключенным. Свидание не принесло желаемого результата – Эндрю Мак-Корник наотрез отказывался признавать себя причастным к преступлению и рассказывать ученому, как он совершал убийства. Той же ночью преступник сбежал. Полиция тут же решила, что профессор Зелинский и есть организатор побега, запретив ученому въезд на территорию

страны. Потрясенный несправедливостью решения британских властей, антрополог обратился к нам в агентство, рассчитывая на реабилитацию своего доброго имени, и Борис взялся за дело. Первым делом Джуниор вступил в переписку с лучшим другом сбежавшего полицейского, сержантом Генри Кампински, и вызвал парня на откровенность, надеясь выведать что-нибудь о Мак-Корнике. Кампински тут же принялся слать Боре содержательные посты, заключающие в себе немало интересного. Вскоре Борис знал практически всех собутыльников бравого полицейского не только по имени, но и кто чем занимается, как и с кем живет и какие напитки предпочитает, заглядывая в местный кабачок. Устинович-младший охотно комментировал послания британского осведомителя, тратя на это все рабочее время. Вот и сейчас Джуниор увлеченно молотил по клавишам, прикусив от усердия кончик языка. Покончив с письмом, приятель отправил сообщение и обессиленно откинулся на спинку кресла.

– Ууф, – протяжно выдохнул он, с хрустом потягиваясь. – Могу поклясться, что знаю об Арбингтоне все.

– Вот как? Твой подзащитный оскандалился в Арбингтоне? – оживилась я, услышав знакомое географическое название.

– Ну да, именно там, – согласился кудрявый друг. – Так что теперь я в курсе дел всех арбингтонцев. Кто пил, когда, где, с кем и сколько.

– Вот видите! – раздался за нашими спинами кислый голос антрополога. – Так я и знал, что ошибся в выборе адвоката!

Борис быстро повернул голову в сторону раздосадованного клиента и в первый момент сделал движение ладонями, точно собирается загородить от него экран, но вовремя опомнился и взял себя в руки.

– Максим Карлович, вы не понимаете! – невозмутимо обронил он, снова откидываясь на спинку кресла. – Для защиты мне необходимо собрать материал.

– Это я пять долгих лет собирал материал, подтверждающий мою гипотезу о значении жертвоприношения верховному божеству у народов Океании, а вы, уважаемый, не собираете материал, а валяете дурака! – вспылил клиент, багровея лицом. – Знаете ли вы, что я рискую потерять все, над чем так долго работал! Через три недели в Лондоне состоится конгресс, на котором я заявлен как докладчик, а мне из-за глупого побега сержанта Мак-Корника отказывают в визе!

И, обернувшись к шефу, статуей застывшему в дверях, Зелинский обличительно ткнул в Устиновича-старшего пальцем.

– Вы, Эдуард Георгиевич, клятвенно обещали, что ваш сын сделает все возможное, чтобы мне помочь, а воз и ныне там!

– Борис обязательно поможет! – солидно пробасил шеф, поправляя узел галстука, внезапно сдавивший ему горло.

– Уж не думаете ли вы, – ехидно пропел профессор, давая петуха, – что я буду ждать, пока ваш сын соизволит проявить внимание к моей скромной проблеме, отвлекшись от обсуждения попоек в Арбингтоне?

– Умоляю, не нервничайте так! – всполошился Эд Георгиевич, видя возбужденное состояние клиента. – Вот посмотрите, все решится самым благоприятным для вас образом!

– Само собой, я не буду нервничать, это не продуктивно! – пообещал антрополог, мигом успокаиваясь. И хмуро пригрозил: – Я просто откажусь от ваших услуг и обращусь в адвокатское бюро Ванштейна!

Услышав фамилию злейшего конкурента, шеф кинул злобный взгляд на нерадивого отпрыска, но Джуниор предпочел сделать вид, что с головой погружен в созерцание экрана, где красовался снимок толстяка с пивной кружкой в руке.

– Вы напрасно принимаете скоропалительные решения, – так и не дождавшись оправданий и извинений, в одиночку пытался выкрутиться из неприятной ситуации владелец адвокат-

ского бюро. – Я как раз собирался послать Бориса в Англию, чтобы он на месте разобрался в ситуации с побегом.

– Вы предлагаете мне оплатить заграничные турне Бориса Эдуардовича? – вскинулся клиент. – Чтобы Борис Эдуардович на практике убедился, что пьет его виртуальный приятель из полицейского управления Арбингтона? Не держите меня за дурака!

– Ну что вы, Максим Карлович, вам эта поездка ничего не будет стоить, вы оплатите гонорар по обычному тарифу, – уговаривал насупленного клиента шеф.

– Потеряны две недели драгоценного времени, до конгресса осталось всего ничего, – расстроено сообщил антрополог. – Я не могу так рисковать! Я все-таки обращусь к Ванштейну!

Идея съездить в Англию за счет конторы пришла ко мне в тот самый момент, когда я случайно встретилась взглядом с удрученными глазами шефа. Завод папаша Шермана находится как раз в Арбингтоне, и было бы нелишним до суда навести справки об этой семейке там, где их хорошо знают. Причем, отправляясь в паре с Борисом, можно будет не светиться и действовать под видом помощника кудрявого друга, в то же самое время анализируя ситуацию с Шерманами.

– Я могу проконтролировать Бориса Эдуардовича, – подала я голос. – Дело профессора Зелинского серьезное, вдруг коллеге понадобится помощник?

– Само собой, поездку Агаты Львовны контора тоже берет на себя, – расцвел улыбкой Устинович-старший, кидая в мою сторону благодарный взгляд. Заметив, что Борис снова потянулся к клавиатуре, шеф шагнул к нему, нагнулся к самому Борькиному уху и, скроив лютую мину, прошипел:

– Клянусь могилой матери, если вы хоть пальцем прикоснетесь к компьютеру – уволю!

– Да ладно, бать, чего ты раскричался, – отпрянул от отца Борис. – Я только хотел почту проверить.

Он убрал руки за спину и так сидел, стараясь выглядеть паинькой.

– Ну что с вами делать, – с сомнением покачал головой клиент, переводя глаза с отца на сына и обратно. – Если вы гарантируете быстрый результат...

– Само собой, мы сделаем все от нас зависящее, – осторожно пообещал Эд Георгиевич, подхватывая клиента под локоток и выводя из комнаты адвокатов. – Кира Ивановна, – донесся из приемной голос шефа, – закажите Борису Эдуардовичу и Агате Львовне билеты в Арбингтон. И чем скорее адвокаты смогут вылететь, тем лучше.

Расстроенная секретарша пробормотала что-то нечленораздельное про то, что командовать все мастера, а шепнуть секретарше про любимого певца некому, а мы с Джуниором переглянулись, и кудрявый друг шепотом воскликнул: «Есс!»

* * *

Зная исполнительность Киры Ивановны, я больше всего опасалась, что секретарша отправит нас на берега Туманного Альбиона уже этой ночью. А мне так хотелось повидаться с дедом! Остаток рабочего дня Кира Ивановна дозванивалась до билетных касс, но ничего конкретного нам так и не сказала. Я уже собиралась уходить домой, но для очистки совести еще раз набрала номер Оксаны и очень удивилась, когда после длинной череды гудков мне ответил высокий детский голос:

– Алле!

– Добрый день, – обрадовалась я. – Могу я поговорить с Оксаной?

– Не можете, – отрезал ребенок. – Мама пошла в процедурную мне за лекарством, потом она выйдет на улицу покурить – в больнице курить не разрешают, а потом у нас ужин.

– И что же с тобой случилось? – сочувственно осведомилась я.

– У меня перелом ключицы, – важно сообщило дитя.

– Ты что, упал?

– Вы что, тетя? – искренне удивился мой собеседник. – С чего бы я стал падать? Мне дядя Стивен руку сломал. Долбанул по плечу клюшкой, и привет руке!

– У дяди Стивена фамилия Шерман? – показала я хорошее знание предмета.

– Ну да, – кисло откликнулся мальчишка. – Мы с ним и с Джеком играли в космических пришельцев, и он сказал, что я Мегазло и меня нужно уничтожить. И ударил клюшкой по руке.

– А мама твоя что сказала? – допытывалась я, удивляясь невозмутимости Оксаниного ребенка.

– Мама ничего не сказала, ей жалко китайский фарфор, который их Джек обязательно переколотит.

– Что за фарфор?

– Коллекционный. На бабушкиной даче навалом старинной посуды, бабушка уехала навсегда к маминому брату Николаю Петровичу в Испанию и все оставила нам, а мама пустила в бабушкин дом Шерманов пожить, но про фарфор забыла, а теперь ей неудобно его забирать, ведь Стивен Шерман – папин начальник, может обидеться и папу уволить с работы. А нам ипотеку двадцать пять лет выплачивать.

– Понятно, – протянула я. – А из полиции к тебе уже приходили?

– Из полиции? – растерялся мальчишка. – А зачем?

– Поговорить насчет дяди Стивена, – усмехнулась я.

– Про него никто не знает, – рассмеялся собеседник. – Мама сказала участковому лейтенанту, что сама случайно стукнула меня по плечу. Ой, мама пришла, даю ей трубку.

На том конце провода раздался сердитый шепот, ругавший сына за самостоятельность, и я поняла, что разговаривать дальше со мной не собираются. И, прежде чем Оксана успела нажать отбой, я требовательно заговорила громким официальным голосом:

– Оксана Петровна, это из полиции! Старший сержант Зайцева! Из больницы поступил сигнал, что вы нанесли серьезную травму своему ребенку.

– Но мы ведь уже все решили с участковым Володиным! – раздраженно проговорила женщина. – Артур Васильевич обещал уладить это дело.

– За такие обещания лейтенанта Володина и сняли с занимаемой должности, – не растерялась я. – Сейчас участковым занимается служба собственной безопасности, а мне поручили опросить вас, Оксана Петровна, и выяснить, при каких обстоятельствах вы сломали руку собственному ребенку.

– Никитка сам упал, – быстро проговорила женщина, и я поняла, что на правильном пути.

– Следствие разберется, – холодно отрезала я. – Будьте любезны, возьмите ручку, запишите адрес управления, завтра я жду вас к десяти утра у себя в кабинете. И найдите сиделку – может так случиться, что вы долго не увидите с Никитой. Вам понадобится хороший адвокат, чтобы остаться на свободе.

– Что вы такое говорите? – испугалась женщина. – За что же меня посадят?

– По заключению врача, травму Никите нанесли тяжелым тупым предметом, причем сделали это умышленно. Если вы сами беретесь объяснить суду, зачем вы избивали своего сына железной палкой, тогда, конечно, можно обойтись и без адвоката.

– Я никогда не поднимала на Никиту руку! – прошептала моя собеседница.

– А кто поднимал?

– Джек! Никиту ударил Джек!

Понятное дело, это была ложь, правду сказал Никита, а Оксана, боясь увольнения мужа, просто пыталась выгородить его начальника.

– Но это вышло случайно, честное слово! – торопливо частила женщина. – Я сама видела! Дети играли, и Джек промахнулся и нечаянно попал Никите по плечу.

– Ну да, а метил по голове, – усмехнулась я, но тут же строго приказала: – Диктуйте адрес Джека, мы должны с ним поговорить.

– Не нужно этого делать, Шерманы – англичане, они не говорят по-русски, – выпалила Оксана. – Неужели вам недостаточно того, что я вам рассказала? Вы же не будете судить ребенка? К тому же инвалида?

– Джек Шерман – инвалид? – оторопела я.

– Да, мальчик сильно хромает, – подтвердила женщина.

– А что с ним?

– Как объяснила Дженнифер – это его мать, – мальчик таким родился, в их городе неважно с экологией, – немного подумав, ответила моя собеседница.

– И все-таки будьте добры, назовите адрес Шерманов, – настойчиво повторила я. – Вы, должно быть, не в курсе, что родители несут ответственность за поступки своих несовершеннолетних детей. Так что можете быть спокойны – инвалида Джека судить никто не будет, мы просто побеседуем с Дженнифер.

Оказалось, что Шерманы перебрались в старый дачный поселок на Киевском шоссе, где-то в районе Толстопальцева. Конечно, не Рублевка, но место вполне приличное. Ну что же, господа британцы, если успею до отлета, прямо завтра и нагряну к вам в гости. Я кинула веселый взгляд на Джуниора. Отлученный от стационарного компьютера, Устинович-младший сидел со смартфоном в руках и переводил через Гугл очередное послание от британского друга. Прибор жалобно пискнул, требуя подзарядки, и приятель с надеждой посмотрел на меня.

– Агатка, у тебя с собой зарядное устройство?

– Осталось дома, – ответила я. – И нам по домам пора.

– Будь другом, дай смартфон, – взмолился кудрявый друг, просительно глядя на меня. – Мне необходимо отослать ответ. Вот напишу пару слов – и сразу домой.

– Только, пожалуйста, не забудь вернуть, – залезая в сумку, выдвинула я обязательное условие, при котором была готова оказать Джуниору дружескую помощь и поделиться своим «Гелакси».

– Само собой, – обиженно протянул он, сгребая с моей ладони белый приборчик. – Что же я, не знаю, как тяжело живется без смартфона?

Устинович-младший снова с головой погрузился во Всемирную паутину, а я стала ждать, когда он вволю напереписывается.

– Борь, – позвала я минут через двадцать.

– У? – нехотя откликнулся кудрявый друг.

– Поехали по домам?

– Угу, – донесся глухой голос.

– Смартфон верни.

– Завтра.

Я еще посидела в ожидании кудрявого друга, но, так и не дождавшись, засобиравшись домой, подумав, что и в самом деле ничего не случится страшного, если я заберу свой «Гелакси» не сегодня, а завтра.

* * *

До дачи я добиралась под тропическим ливнем. В этом году лето выдалось на редкость дождливое, однако солнце не переставало светить даже во время грозы. Пряный запах мокрых сосен врвался в открытые окна машины, но уже от поворота на подъезде к нашему участку сосновый дух перебил аромат бабушкиной выпечки. Ида Глебовна готовит так, что даже признанная кулинарка Кира Ивановна частенько берет у нее рецепты. Поставив машину во дворе, я взбежала на веранду и услышала голоса – мужской и женский. Подумав, что дед уже при-

ехал, я радостно рванула на себя дверь, но, заглянув в гостиную, с огорчением поняла, что к нам пожаловал незнакомый мужчина. Напряженно выпрямив спину, незнакомец сидел на краешке стула, и руки его, прижимающие к боку новенький портфель, заметно подрагивали. На вид ему было лет сорок пять, но напряженное выражение лица делало его значительно старше. Глаза гостя смотрели в одну точку, нога в старомодном узконосом ботинке выбивала по паркету нервную дробь. Ида Глебовна изо всех сил старалась поддержать светскую беседу, но ее попытки не имели успеха. На все слова бабушки гость лишь рассеянно улыбался, невпопад кивал взлохмаченной головой и с трудом выдавливал из себя односложные ответы. На столе перед ним стояла нетронутая чашка чая, а на блюде покоились знаменитые бабушкины пирожки, те самые, о которых я сегодня мечтала. Но гость, похоже, так и не отведал предложенного угощения, и это было странно. Стоило мне появиться в дверях, как на лице хозяйки промелькнуло заметное облегчение.

– Ну наконец-то ты пришла! – воскликнула бабушка, поднимаясь с кресла и устремляясь к выходу. – Пойдем, Агата, поможешь мне на кухне.

Ида Глебовна силой увлекла меня за собой и, как только мы достигли кухни, включила воду и тревожно зашептала:

– Этот товарищ явно не в себе! Он пришел сегодня утром со станции пешком, то и дело оглядываясь по сторонам, и сообщил, что желает видеть Владлена. Я сказала, что Владлен сейчас в отъезде и вернется ближе к ночи, но он все равно остался его ждать. Все это время сидит на одном месте и не шевелится, и я не представляю, что с ним делать.

– Ты что, ба, не знаешь, кто это такой? – изумилась я, испепеляя бабушку сердитым взглядом. Бабушка смущенно кивнула и опустила глаза.

Как это на нее похоже! Пустить в дом неизвестно кого и весь день развлекать незваного гостя приятными беседами и кормить горячими пышками! И эта доверчивая женщина проработала всю жизнь вместе с дедом в структурах госбезопасности!¹ Фантастика!

– Нужно осторожно проверить, нет ли у него в портфеле оружия, – свистящим шепотом проговорила бабушка. – Что-то мне не нравится, как он держит этот портфель. Как будто там бомба. И зачем ему непременно нужно увидеть Владлена? Как бы при появлении Влада гость не привел бомбу в действие.

– Надо проверить – значит, проверим, – легко согласилась я, принимаясь перебирать в голове варианты решения поставленной задачи.

Способов проверки портфеля было множество. Самым простым и эффективным мне показался вариант с электричеством. Не может мужчина продолжать восседать на облюбованном месте в тот самый момент, когда слабые женщины в кромешной темноте на ощупь копаются в распределительном щитке, пытаясь выяснить причину отключения электроэнергии.

– Найди мне какой-нибудь дедов портфель, похожий на портфель гостя, – инструктировала я бабулю. – Потом я выключу свет во всем доме, а ты стой у щитка и зови на помощь. Гость прибежит помогать и положит портфель на пол, чтобы обеими руками пошарить в щитке. Ты чиркай спичками, чтобы потянуть время, и проси его поскорее найти неисправность, чтобы не отвлекался на портфель, а смотрел на тумблеры. Я как будто бы побегу за фонариком и заодно прихватчу его вещички с собой, чтобы спокойно проверить их содержимое, а дедов портфель пока будет валяться на полу на случай, если он будет время от времени ощупывать ногой местность вокруг себя. Затем я принесу фонарик и верну портфель на место.

Бабушка понимающе кивнула головой и с сомнением в голосе произнесла:

– Надеюсь, у нас все получится.

Но у нас не получилось. Даже несмотря на кромешную тьму, гость так и продолжал сидеть на своем месте. Стоя в коридоре у распределительного щитка, бабушка жалобно кричала в

¹ Подробнее читайте в романе Евы Львовой «Состояние аффекта».

темноту, призывая на помощь, но на зов хозяйки никто не откликнулся, и мне ничего не оставалось, как включить тумблеры обратно. Заглянув в гостиную, мы застали гостя сидящим на краешке того же самого кресла. Локоть, которым он продолжал прижимать к себе вещи, подрагивал от напряжения. Угощение по-прежнему оставалось нетронутым. Дело принимало скверный оборот. Гость и в самом деле больше всего походил на подрывника-самоубийцу, и его, во что бы то ни стало, следовало обезвредить. Лучший способ получить желаемое – это ошеломить противника. Поэтому я, проходя мимо гостя, как бы ненароком выплеснула на него чашку горячего чая. Мужчина издал крякающий звук, но поклажу так и не выпустил. Отряхнувшись от кипятка, он первым делом полез проверять содержимое портфеля. Я стояла за его спиной и тоже во все глаза смотрела, что же он так оберегает. Как ни странно, оружия там не оказалось, но было много бумаг, разложенных по пластиковым папкам, и потому особо не промокших. Убедившись, что с драгоценными папками все в порядке, обваренный гость вскинул на меня разгневанные глаза и сердито спросил:

– Зачем вы это сделали?

– Я же не нарочно, – соврала я. И мстительно добавила: – Вот если бы вы помогли бедным женщинам починить электричество, этого бы не произошло.

Не понимая, что я имею в виду, мой собеседник раздраженно пожал плечами, и тут я услышала, как во двор въехала машина деда.

– А вот и Владлен Генрихович, – улыбнулась я. – Можете ему на меня пожаловаться, если хотите.

– Нет уж, увольте, ябедой я никогда не был, – недовольно пробурчал гость, поднимаясь с места и устремляясь к входным дверям.

С уставшим дедом он столкнулся в прихожей. Владлен Генрихович как раз целовал бабушку, здороваясь, когда распахнулась дверь, и из гостиной почти бегом выбежал заждавшийся страдалец.

– Владлен Генрихович, я к вам, – взволнованно сообщил он, и дед изменился в лице.

– Анатолий Сергеевич? Что-то случилось в институте? – забеспокоился дед, торопливо передавая бабушке дорожную сумку, с которой отправлялся в поездки.

– Случилось, и именно в институте, – упавшим голосом поведал гость и двинулся в кабинет следом за хозяином дома.

Я же устремилась вверх по лестнице и в считанные секунды оказалась в своей комнате, расположенной прямо над кабинетом деда. У меня имелся свой способ подслушать, о чем говорят в кабинете, и я не собиралась упускать случая им воспользоваться. Расположившись у вытяжки, я приложила к решетке стетоскоп и, стараясь реже дышать, обратилась в слух.

– Владлен Генрихович, у меня большие неприятности, – без долгих предисловий начал визитер.

– Давайте по порядку, – распорядился дед.

– Институт органических исследований, который я возглавляю, провел серию экспериментов, увенчавшихся успехом. Можно с уверенностью утверждать, что наши нейрофизиологи разработали специальную программу позволяющую читать мысли.

– Боюсь, вы неоригинальны, – усмехнулся дед. – Каждый руководитель института, подобного вашему, уверен в том же самом, дорогой Анатолий Сергеевич.

– Дослушайте до конца, – повысил голос директор института. – Мы отобрали сто пятьдесят добровольцев, которым предстояло пройти хирургическую операцию на мозге по удалению опухолей или лечению эпилепсии. Им вживили по двести пятьдесят шесть электронов в верхнюю и среднюю височные извилины. Это, как вы знаете, область восприятия звука. Добровольцы с вживленными электронами входили в комнату, оборудованную звукоизоляцией, надевали наушники и прослушивали многочасовые монологи на самые разные темы. При этом электроны считывали импульсы, которые в это время проходили в коре головного мозга. Ком-

пьютерная программа запоминала, какой импульс соответствует тем или иным словам и фразам. В результате у нас в руках оказались сто пятьдесят спектрограмм. Их поочередно накладывали на звуковые монологи, которые слушали пациенты. Такая процедура позволила составить «словарь головного мозга». Вот, взгляните, эти наушники созданы на базе «словаря». По сути это протез, позволяющий людям с нарушениями речи воспроизводить то, о чем они думают. Ретранслятор мыслей. Надевайте смелее, не бойтесь. А теперь нажмите клавишу.

В кабинете тут же зазвучал раздосадованный голос деда:

– Я устал как собака, а он чушь какую-то городит! Даже неловко за него. Вроде бы солидный ученый, а...

Послышалась возня, словно кто-то в спешке что-то с себя срывал, и радостный голос Анатолия Сергеевича закричал:

– Вот видите, а вы мне не верили! Это ведь ваши мысли, верно, Владлен Генрихович? Да ладно вам, не смущайтесь, ваши-ваши!

– Э-э, ну я, конечно, скептик и не очень-то склонен доверять людям на слово, поэтому предпочитаю убедиться во всем сам, – извиняющимся тоном затянул дед.

– Не надо извиняться, вы лучше помогите мне решить непредвиденную проблему, – умоляюще проговорил гость.

– Что такое? – заволновался дед. – Не стесняйтесь, господин Кузичев, рассказывайте все как есть.

– Как только мы закончили разработку прибора, ко мне прямо на улице подошел представитель американской фирмы, предложивший купить наше изобретение за баснословную сумму. Я сначала было согласился, но этот тип – его незаметно сфотографировал – поставил обязательное условие – заключенный с ними договор должен быть эксклюзивным.

– Позвольте взглянуть на снимок, – попросил дед, и я страшно пожалела, что до сих пор не придумала, как подсматривать беседы деда.

– Это известный мерзавец, – между тем говорил дед.

– Вы его знаете? – заинтересовался Кузичев.

– Не только знаю, но и имею несчастье быть его учителем. Это Коля Жакетов.

Я тоже знала Жакетова и даже встречалась с ним, еще не зная, что он мой биологический отец. Я говорю «биологический», а не «родной», потому что родным отцом считаю другого человека, приемного сына деда и бабушки Льва Рудя, а вовсе не ушлого проходимца Жакетова, повинного в смерти моего папы. Прежде чем стать участниками одного из проектов отдела «Сигма», Лева и Николай росли и воспитывались в одном детдоме, но после судьба развела их в разные стороны, столкнув лбами только тогда, когда они оба полюбили одну и ту же женщину – мою мать. До недавнего времени я ничего не знала об этих событиях, уверенная, что папа жив, он ученый и работает где-то в Африке, но неприятная история, приключившаяся с бабушкиной подругой, открыла мне глаза².

– В принципе, вам нечего опасаться за свою жизнь, – говорил дед. – Он не станет идти напролом, Жакетов придумает обходные пути.

– Это не слишком обнадеживает, – уныло протянул Кузичев. – Так вот, я, естественно, категорически отказался от сотрудничества с американцами. Тогда Жакетов пригрозил, что найдет способ заполучить изобретение в обход меня. И тут я вспомнил про вас, Владлен Генрихович. Вы много лет сотрудничали с нашим институтом, знаете все подводные камни. Я собрал пакет документов, очень вас прошу присмотреть за ним, пока я ищу достойного инвестора.

– Ну что же, оставляйте ваш портфель и не забудьте положить в него наушники, а то супруга, не дай бог, перепутает с обычными, наденет ваш ретранслятор, и я узнаю о себе много нелестного, – пошутил дед. И тут же пригласил:

² Подробнее читайте в романе Евы Львовой «Состояние аффекта».

– Ну а теперь, может быть, чайку?

– Не откажусь, – с облегчением выдохнул Кузичев. – Со вчерашнего дня ничего не ел, я так голоден, что готов буйвола съесть!

– Что же, вам хозяйка ничего не предложила? – недоверчиво осведомился дед, прекрасно знавший хлебосольный характер своей жены.

– Ида Глебовна предлагала, но мне кусок в горло не лез, – смутился гость. – Ваша жена – отменная кулинарка. И внучка у вас замечательная. За словом в карман не лезет. Думаю заслать к вам сватов. Вы как, Владлен Генрихович, не против породниться?

– Почту за честь, только эти вопросы решаю не я, спросите у Агаты.

– Вот все закончится, и обязательно спрошу, – пообещал ученый.

Хлопнула дверь кабинета, и все стихло. Быстро переодевшись в домашние джинсы и майку, произвольно выбрав ту, что понаряднее, я выждала для очистки совести несколько минут и пошла вниз, к столу.

За время нашего отсутствия бабушка накрыла стол в гостиной и теперь колдовала в кухне, украшая отварную осетрину веточками укропа. Играл первый концерт Рахманинова, который бабушка очень любила.

– Ба, я все узнала, волноваться за деда нечего, – шепотом доложила я. – Это Анатолий Кузичев, он директор института органических исследований и пришел к нам за помощью. Кстати, я завтра уезжаю в Англию.

– Это замечательно, – оживилась бабуля. – И куда?

– В графство Мерсисайд, – откликнулась я.

– Желаю приятной поездки, – улыбнулась бабушка. И, мечтательно прикрыв глаза, добавила: – Знаешь, Агата, лет двадцать назад я была под Ливерпулем и привезла оттуда шикарный мед. Владлен мигом вылечил свой гастрит. Привези-ка ты из Англии медку! В таких глиняных бочонках, знаешь?

– Как у Винни-Пуха? – подмигнула я. – С надписью «Honey» на боку?

– Вот именно, моя девочка, – засмеялась бабушка, ласково потрепав меня по щеке.

Я втянула носом ароматы, источаемые блюдами, и сглотнула слюну. «Все-таки здорово иметь такую бабушку и такого деда, как у меня!» – думала я, потихоньку стаскивая с тарелки кусочек рыбки.

* * *

Стоило мне перешагнуть порог адвокатского бюро, как Борис, стоя у конторки Киры Ивановны, хмуро заметил:

– Агатка, пляши. Хорошие новости. Вылетаем сегодня в пятнадцать ноль-ноль.

– Что же вы не позвонили мне домой, я бы вещи сразу прихватила, – обиделась я, с укоризной глядя на секретаршу.

– Какие еще вещи, зубную щетку на месте купишь, – отмахнулась та. – Едете-то всего на пару дней. Я про другое хотела сказать. Эд Георгиевич урезал лимит на гостиницу, и селиться вам придется в одном номере с Борисом.

Борька многозначительно хмыкнул, а старушка хитро посмотрела на меня.

– Ты как, не против?

Само собой, я была против, ибо с тех самых пор, как мы с Устиновичем проучились вместе пять долгих лет, я привыкла видеть в Борисе исключительно друга³, однако коллеги отчего-то все время пытаются нас поженить.

– На месте разберемся, – пробурчала я.

³ Агата лукавит. Про ее отношения с Борисом Устиновичем читайте в романе Евы Львова «Адвокаты не попадают в рай».

– Пойду куплю что-нибудь пожевать в дорогу, – озабоченно сообщил Джуниор, ретируясь из конторы.

– Ну, как там дела у Ромочки? – осведомилась Кира Ивановна таким тоном, как будто речь шла о ее любимом племяннике.

– Да не очень, – честно призналась я. – Вот слетаю в Арбингтон, побольше узнаю про Шерманов, тогда будет какая-то ясность.

– А что про Шерманов уже известно? – заинтересовалась секретарша.

– Только то, что они занимаются у себя в Англии производством ламп и пытаются реализовать их на нашем рынке.

– Так себе бизнес, – поморщилась Кира Ивановна.

– А еще известно, что у них есть дикая нянька и хромоногий сыночек Джек с психическим отклонением – лупит по всем предметам железной клюшкой для гольфа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.